

ШПИОНСКИЙ РОМАН

ДВЕРЬ
БЕЗ
ВЫВЕСКИ

АЛЕКСАНДР ШАЕВИЧ

Александр Шаевич
Дверь без вывески

«Автор»

2026

Шаевич А.

Дверь без вывески / А. Шаевич — «Автор», 2026

Кирби — опытный контрразведчик, двадцать пять лет служивший системе, которая однажды предала его самого. Когда жизнь его дочери спасает обаятельный незнакомец по имени Артур, Кирби быстро понимает: за спасением стоит не случайность, а тщательно спланированная вербовка. Вместо того чтобы разоблачить вербовщика, Кирби смеётся — и принимает решение, которое изменит всё. Не ради идеологии. Не за деньги. А потому что система обошла его с повышением в пользу человека со связями, потому что долг дочери грозит обрушить всё, что он строил годами, и потому что человек, предложивший выход, оказался единственным, кто протянул руку в нужный момент. «Дверь без вывески» — психологический шпионский роман о том, как разочарование шаг за шагом превращается в предательство, а предательство — в непосильный груз совести. История не о шпионах в чёрных плащах, а о человеке, который должен был быть героем, но выбрал удобную ложь вместо неудобной правды.

© Шаевич А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Кабинет	5
Глава вторая. Разведка	8
Глава третья. Дочь	11
Глава четвёртая. Сквер у моста	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Шаевич

Дверь без вывески

Глава первая. Кабинет

Кабинет находился на четвёртом этаже здания без вывески — обычная дверь среди десятков таких же, отличить которую от соседних мог только тот, кто точно знал номер. Коридор перед ней был выкрашен в тот безликий казённый цвет, который выбирают специально, чтобы взгляд ни на чём не задерживался — ни на двери, ни на табличке, которой не было, ни на человеке, идущем к ней. За окном, наполовину закрытым жалюзи, шёл редкий дождь — тот самый, из-за которого Страну туманов и называли Страной туманов, хотя в последние годы туманов в её сводках стало куда меньше, чем хотелось бы. Где-то за стеной глухо гудела вентиляция — звук, к которому привыкаешь за годы работы в таких зданиях настолько, что замечаешь его только в моменты, как этот, когда нужно сосредоточиться и не упустить ни слова.

Хозяин кабинета, человек с усталым лицом и аккуратно подстриженными сединами, отложил папку на край стола и посмотрел на вошедшего. Этот взгляд вербовщик знал хорошо — не оценивающий, не подозрительный, а просто усталый взгляд человека, который слишком долго отвечает за результат, которым не может управлять напрямую.

— Садись, — он не предложил кофе, не спросил о дороге. — У нас проблема, и она не в нехватке людей. Людей хватает. У нас проблема с качеством того, что приходит с той стороны.

Вербовщик — мужчина лет сорока пяти, в неприметном костюме, из тех, кого через пять минут забывают на улице, — сел напротив, не торопясь с вопросами.

— За последний год информация из Страны туманов измельчала, — продолжил хозяин кабинета. — Мелкие чиновники, секретарши, кто-то из обслуживающего персонала посольств. Это даёт нам сводки, но не даёт нам решений. Наверху уже спрашивают, почему мы до сих пор работаем с тем, что можно прочитать между строк в открытой прессе.

Он подвинул папку через стол.

— Нам нужны люди другого уровня. Не клерки. Те, кто сидит внутри системы достаточно высоко, чтобы видеть её целиком — и достаточно разочарован в том, что видит, чтобы захотеть с этим что-то сделать.

Вербовщик открыл папку. Несколько листов, несколько имён, несколько фотографий — на первой из них мужчина лет пятидесяти, в строгом костюме, с лицом человека, который давно перестал удивляться.

— Кирби, — сказал хозяин кабинета, прежде чем вербовщик успел спросить. — Высокая должность, доступ к стратегической информации, двадцать пять лет в системе. И — это важно — есть признаки усталости. Не от работы. От того, во что работа превратилась.

— Откуда эти признаки?

— Закрытые отзывы коллег. Один развод, который не состоялся, но мог бы — жена осталась, хотя, по нашим данным, дважды собирала вещи. Жалоба, которую он подавал три года назад на действия собственного руководства — о ней знают немногие, и спустили её на тормозах так аккуратно, что сам Кирби, кажется, до сих пор не понял, кто именно это сделал. Человек, который чувствует, что его использовали и забыли поблагодарить — это не редкость в нашей профессии, но не у каждого хватает положения, чтобы это было интересно нам.

Вербовщик молча разглядывал фотографию. Лицо как лицо — ничего, что выдавало бы трещину, о которой говорил его начальник. Впрочем, он давно знал: трещины такого рода не видны на фотографиях. Их находят не в лице, а в окружении — в том, как человек держит паузу

перед ответом начальству, в том, кому он звонит после плохого дня, в том, что он перестаёт говорить вслух, хотя раньше говорил.

Было в этом досье что-то, что вербовщику не понравилось с самого начала — не сам Кирби, а лёгкость, с которой хозяин кабинета раскладывал чужую жизнь по полочкам, как будто двадцать пять лет службы можно свести к трём пунктам и одной фотографии. Но это была не та мысль, которую стоило произносить вслух в этом кабинете.

— Прямого подхода не будет, — сказал хозяин кабинета, как будто отвечая на не заданный вопрос. — Этот человек слишком опытен, чтобы купиться на стандартную схему. Деньги ему не нужны — должность позволяет жить безбедно. Идеология — он давно ни во что не верит, в том числе в нашу идеологию, так что не надейся продать ему светлое будущее.

— Тогда что?

Хозяин кабинета не ответил сразу. Он откинулся на спинку кресла, и на секунду в его лице — обычно сдержанном до полной непроницаемости — проступило что-то похожее на усталость другого рода, не служебную, а личную.

— Три года назад был похожий случай, — сказал он, не глядя на собеседника, будто адресу слова не ему, а собственным воспоминаниям. — Человек на похожей должности. Похожее разочарование, похожая семья, похожий профиль на бумаге. Мы посчитали, что раз условия выглядят идеально, можно ускорить процесс — сэкономить месяцы, которые обычно уходят на такую работу. Послали человека попрямее, не такого терпеливого, как ты. Прямой подход, конкретное предложение, конкретные деньги.

Он сделал паузу, достаточно долгую, чтобы вербовщик понял: дальше будет не просто отступление от темы, а её суть.

— Тот человек не просто отказался. Он сообщил своему руководству в течение суток. Мы потеряли не только его — мы потеряли троих человек инфраструктуры, которые случайно оказались на виду в той операции. Двое из них до сих пор сидят там, где их взяли. Третий не сидит, но и не работает на нас больше ни одного дня.

— Вы рассказываете это, чтобы напугать меня?

— Я рассказываю это, чтобы ты понял ставки. — Хозяин кабинета подался вперёд, и в этом движении было больше, чем в любой угрозе. — У нас нет права на вторую такую ошибку в этом квартале. Если Кирби заподозрит подход и доложит, нам не просто придётся искать новую цель. Нам придётся объяснять наверху, почему мы второй раз подряд выбираем людей такого уровня, которые этого не заслуживают, и почему оба раза кончаются одинаково.

— Я работаю иначе, — ответил вербовщик, без вызова, просто констатируя факт.

— Знаю. Поэтому ты здесь, а не он. — Хозяин кабинета вновь откинулся в кресле, и усталость на его лице сменилась прежней непроницаемостью, как будто он сам пожалел о том, что позволил себе на секунду быть человеком, а не функцией. — Найди то, что для него важнее системы. — Он слегка улыбнулся, без тепла. — У таких людей обычно остаётся что-то одно, что они ещё не разучились любить. Семья. Дочь, если не ошибаюсь. Узнай о ней всё. Узнай о её друзьях, о её ошибках, о том, в какую компанию она попала и почему жена Кирби не спит по ночам последние полгода.

Он закрыл папку и подтолкнул её к вербовщику.

— Не вербуй Кирби. Помоги ему. А дальше он сам сделает выбор — у таких людей выбор всегда наготове, нужно только показать им дверь, в которую они и сами хотели выйти.

Вербовщик поднялся, забрал папку.

— Сколько времени?

— Сколько потребуется. Но не затягивай — пока мы здесь разговариваем, кто-то другой может предложить Кирби ту же дверь.

Дверь за вербовщиком закрылась тихо, без щелчка — такая, как и положено в здании без вывески.

Спускаясь по лестнице — лифтом в этом здании пользовались редко, не из экономии, а из давней, никем не озвученной привычки лишний раз не оставаться в замкнутом пространстве с собственными мыслями — вербовщик вновь вернулся к фотографии, которую забрал с собой. Хозяин кабинета был прав в одном: продать Кирби идею будет невозможно. Но, может быть, дело было вовсе не в том, чтобы продавать. Может быть, нужно было просто оказаться рядом в нужный момент — и подождать, пока человек сам решит, что дверь, которую ему показали, была той самой, в которую он и собирался выйти.

На улице дождь почти прекратился. Вербовщик поднял воротник пальто, не столько от холода, сколько по привычке, и пошёл в сторону, противоположную той, откуда приехал — ещё одна давняя привычка людей его профессии: никогда не возвращаться той же дорогой, которой пришёл.

Глава вторая. Разведка

Работа вербовщика редко напоминала работу разведчика в привычном смысле слова. Не было ни слежки с биноклем из окна противоположного дома, ни перехваченных звонков — по крайней мере, не в первую неделю. Была медленная, методичная сборка картины из обрывков, которые люди сами выкладывают наружу, не замечая этого.

За годы практики у вербовщика сложилось собственное правило, которое он никогда не озвучивал начальству, потому что оно противоречило духу нетерпения, царившему в верхних кабинетах: лучшая вербовка не начинается с человека, которого нужно завербовать. Она начинается с тех, кто его окружает — потому что человек выдаёт себя не тем, что говорит о себе сам, а тем, что говорят о нём другие, не подозревая, что их слушают. Жена расскажет соседке то, что не расскажет мужу. Друг детства вспомнит историю, которую сам герой давно предпочёл забыть. А ребёнок — взрослый ребёнок, давно живущий своей жизнью — иногда оказывается самым честным источником из всех, просто потому, что ему ещё не пришло в голову, что его жизнь может быть кому-то интересна настолько, чтобы её изучать.

Начал он с самого простого — с того, что Кирби и его жена оставляли в открытом доступе сами. Страница жены в социальной сети, которую она не закрывала от посторонних, потому что считала себя слишком обычным человеком, чтобы кому-то быть интересной. Фотографии с дачи, с дня рождения внучки общей подруги, подписи под снимками — простые, искренние, без какой-либо настороженности. Именно эта открытость и была первым, что вербовщик отметил для себя: жена Кирби жила так, будто рядом с ней никогда не может оказаться человек, которому нужно от неё что-то, кроме вежливого "как дела".

Дальше — круг друзей. У жены Кирби их было немного, но один профиль повторялся чаще других: женщина по имени Регина, с которой они вместе ходили на йогу по средам и вместе же, судя по переписке под совместными фотографиями, обсуждали проблемы в семьях друг друга. Регина была не просто подругой — она была тем человеком, через которого жена Кирби делилась тем, что не решалась обсуждать с мужем напрямую. Несколько комментариев под старыми постами — обрывочных, без подробностей, но достаточно прозрачных для того, кто умеет читать между строк — намекали на то, что в последний год в семье что-то тревожило обеих женщин сильнее обычного.

С дочерью было сложнее и интереснее одновременно. Её собственная страница была закрыта, что само по себе говорило не меньше, чем открытая страница матери — закрываются обычно не от скуки, а от того, что есть, что прятать. Вербовщик нашёл её через круг друзей: один из них, парень по имени Стах, оставил под чужим открытым постом комментарий, упоминающий имя дочери Кирби в контексте, который заставил вербовщика остановиться и прочитать ту переписку три раза.

Дальше он сделал то, что делал всегда в таких случаях — не торопился с выводами, а собрал ещё несколько точек, прежде чем соединить их в линию. Знакомая Регины, преподававшая в той же школе, где когда-то училась дочь Кирби, неосторожно обронила в разговоре с третьим лицом (зафиксированном случайно, в общем чате родительского комитета, который никто давно не модерировал) фразу о том, что "девочка опять связалась с тем, ну, вы знаете с кем" — без имени, но с интонацией, которая яснее любого имени.

К концу второй недели у вербовщика сложилась картина, не идеальная, но достаточная для следующего шага: дочь Кирби была втянута в отношения с человеком, о котором её мать тревожилась настолько, что делилась этим с подругой по йоге, а не с мужем — то ли не хотела его волновать на фоне работы, то ли давно привыкла решать такие вопросы сама. Картина была неполной — он пока не знал ни имени человека с кольцом на пальце, ни истинного масштаба дел, в которые был втянут Стах, — но для первого шага этого было достаточно. Остальное

можно было узнать позже, когда появится повод оказаться ближе, а такой повод, он не сомневался, представится сам — нужно было лишь терпение, которого у него хватало с избытком.

Это и была дверь, через которую можно было войти без стука.

Прежде чем двигаться дальше, вербовщик решил увидеть обоих лично — не для того, чтобы что-то предпринять, а потому что профессиональная привычка не позволяла ему действовать на основании одних лишь фотографий и переписок. Бумага лжёт реже, чем люди, но она не передаёт того, что передаёт живое наблюдение: как человек держит спину, как реагирует на взгляд, брошенный мимо, как меняется голос, когда рядом оказывается тот, кого он боится разочаровать.

Он выбрал кафе на углу, через которое, согласно собранным данным, Ника и Стах проходили почти каждый четверг после её последней пары. Сел за столик у окна, заказал кофе, который не собирался пить, и раскрыл газету — старую привычку, которая давно вышла из моды среди людей его профессии, но которую он сохранял именно потому, что вышедшие из моды привычки реже вызывают подозрение, чем телефон, демонстративно поднесённый к лицу.

Они появились без четверти шесть. Ника оказалась моложе, чем выглядела на фотографиях — не по возрасту, а по тому, как держалась: чуть сжатые плечи, быстрый взгляд, брошенный на спутника, прежде чем сесть, как будто она постоянно проверяла, одобряет ли он то, что она делает в следующую секунду. Стах, напротив, держался свободно, почти расслабленно — но вербовщик, проведший много лет в наблюдении за людьми, которые умеют скрывать одно под видом другого, заметил то, что обычный посетитель кафе не заметил бы: взгляд Стаха методично прошёлся по залу, прежде чем он сел, — взгляд не влюблённого молодого человека, а человека, который проверяет, не сидит ли в зале кто-то, с кем он не хотел бы оказаться увиденным.

Разговор между ними длился минут двадцать, и за это время вербовщик увидел достаточно, чтобы не нуждаться в дальнейших переписках и догадках третьих лиц. Дважды Стах посмотрел на телефон и дважды после этого его тон становился короче, резче — не грубым, но лишённым того тепла, с которым он начинал разговор. Один раз Ника попыталась взять его за руку, и он позволил ей это лишь на секунду, прежде чем убрать руку под предлогом нового сообщения. Она не обиделась — или не показала обиды — но что-то в её плечах опустилось чуть ниже, чем было до этого жеста.

Вербовщик не испытывал к этой сцене ни жалости, ни брезгливости — она была просто материалом, частью картины, которую он собирал. Но что-то в её обыденности задело его сильнее, чем он рассчитывал: эта девушка не была абстрактной фигурой из досье, она была живым человеком, который в эту самую минуту, ничего не подозревая, чувствовал себя немного менее любимой, чем хотела бы быть — и именно это чувство, не криминал, не долги, не что-то драматичное, а простое, тихое одиночество внутри отношений, сделает её уязвимой тогда, когда придёт время.

Он сложил газету, оставил деньги на столе и вышел, прежде чем они успели бы заметить его лицо больше одного раза.

На улице, шагая в сторону, противоположную той, откуда приехал, он позволил себе на секунду задержаться на мысли, которая давно перестала быть для него новой, но всё ещё иногда возвращалась в моменты вроде этого: чем точнее он узнавал человека, которого собирался использовать как инструмент, тем труднее становилось относиться к нему как к инструменту. Это было профессиональной проблемой, а не моральной — слишком много сочувствия мешает работать так же хорошо, как слишком мало. Он давно научился держать эту грань, но граница, как и всякая граница, требовала постоянного внимания, иначе незаметно смещалась не в ту сторону.

Дальше нужно было только одно — оказаться в нужном месте раньше, чем ситуация с дочерью дойдёт до точки, после которой помощь уже не будет выглядеть как счастливая случайность.

Глава третья. Дочь

Дочь Кирби звали Ника — имя, которое отец сам выбрал двадцать четыре года назад, наперекор мнению тёщи, считавшей его слишком коротким для серьёзного человека. Тёща, впрочем, давно смирилась — как смирялась со всем, что выбирал Кирби, потому что у него редко не было оснований. Иронично, что именно эту особенность характера он не сумел разглядеть в собственной дочери, пока не стало слишком поздно.

Ника училась на факультете, который сама выбрала вопреки отцовскому совету — что-то связанное с медиа и коммуникациями, дисциплина, в которой Кирби, при всём уважении к дочери, не видел ни практической пользы, ни будущего. Спорить с ней он, впрочем, не стал — давно усвоил, что давление лишь укрепляет упрямство, унаследованное явно не от матери. Жена Кирби, Марина, в этом вопросе была мягче и охотнее поддерживала дочь, что временами становилось поводом для негромких, но всё же ощутимых разногласий между супругами — не ссор, а тех самых трещин, которые не разрастаются, но и не зарастают.

Со Стахом — так все звали молодого человека, появившегося в жизни Ники чуть больше года назад — отношения у семьи не сложились с самого начала, хотя ни Кирби, ни Марина не могли внятно сформулировать, что именно их тревожит. Сам Стах был вежлив, даже подчеркнута вежлив, что само по себе настораживало человека с многолетним опытом распознавания фальши. Он работал — по его собственным словам — в сфере "частных инвестиционных консультаций", формулировка, которая у Кирби, слышавшего за свою карьеру десятки подобных эвфемизмов, вызывала привычную внутреннюю настороженность, хотя ничего конкретного он за этим не находил.

Марина тревожилась сильнее, чем показывала мужу. Она видела то, чего Кирби, постоянно занятый службой, не замечал: как Ника стала реже звонить, как в разговорах появились паузы там, где раньше их не было, как однажды, забирая дочь с какой-то вечеринки, она увидела на её запястье синяк, который Ника объяснила неловко и слишком быстро — "зацепилась о дверь машины" — объяснение, в которое мать, при всём желании, не смогла поверить до конца. Именно эту тревогу она и понесла к Регине по средам после йоги — не потому, что не доверяла мужу, а потому, что не знала, как сформулировать её в разговоре с человеком, привыкшим работать с фактами, а не с предчувствиями.

Сам Кирби в эти месяцы был куда больше занят другим — тем самым разочарованием, которое медленно, но верно копилось внутри него последние несколько лет и которое он сам пока не называл вслух даже самому себе. Жалоба, которую он подал три года назад на действия собственного руководства и которая исчезла в недрах системы без единого ответа, не была единичным эпизодом — она была последней каплей в череде моментов, когда он видел, как решения принимаются не по принципу пользы дела, а по принципу удобства для тех, кто наверху. Он не делился этим ни с женой, ни тем более с дочерью — профессиональная привычка держать тяжёлые мысли при себе укоренилась в нём настолько глубоко, что иногда он сам не замечал, как редко в последнее время разговаривал с близкими о чём-то, кроме бытовых мелочей.

Может быть, поэтому он и не заметил вовремя того, что заметила Марина. А может быть, заметил, но предпочёл не вмешиваться — рассудив, что взрослая дочь имеет право на собственные ошибки, и что его профессиональная подозрительность, обращённая на личную жизнь Ники, была бы несправедливостью по отношению к ней, не более чем переносом рабочих привычек туда, где им не место.

Ситуация со Стахом, между тем, развивалась не в ту сторону, в которую хотелось бы любому родителю. Тот самый "частный инвестиционный консалтинг" на деле оказался куда менее респектабельным занятием, чем звучал — Стах был связан с людьми, чьи интересы про-

стирались в область, о которой не принято говорить за семейным ужином. Сама Ника об этом до конца не знала, хотя интуитивно чувствовала, что в жизни её молодого человека есть слои, в которые её не пускают — и эта закрытость, как ни странно, лишь усиливала её привязанность, потому что воспринималась как загадочность, а не как опасность.

Несколько раз Стах брал её с собой на встречи, которые называл "деловыми ужинами" — в местах, выбор которых, при ближайшем рассмотрении, вряд ли можно было назвать случайным: тихие рестораны на окраине, где разговоры вели вполголоса, и где Ника, не понимая большей части происходящего, чувствовала себя скорее украшением за столом, чем участницей беседы. Однажды, провожая её домой, Стах попросил её "подержать пакет" буквально на десять минут, пока он "решит один вопрос" в соседнем здании — и хотя ничего страшного в тот раз не случилось, у Ники впервые за всё время отношений мелькнуло неприятное чувство, что её используют, а не любят.

Она не рассказала об этом матери — не потому, что не доверяла, а из той же гордости, которая, видимо, и была тем самым семейным наследием, о котором думал её отец. Признаться в том, что отношения, которые она так упорно защищала перед родителями, начали трескаться, означало бы признать собственную ошибку, а на это Ника пока не была готова.

Был один вечер, о котором она тоже не рассказала никому — ни матери, ни Регине, ни кому-либо из подруг. Стах повёз её на встречу с двумя людьми, которых назвал партнёрами, в офис на третьем этаже здания без вывески — само по себе совпадение, которое позже, при других обстоятельствах, показалось бы символичным, но в тот момент Ника не обратила на него внимания. Разговор шёл о деньгах — крупных, по её ощущениям, хотя конкретных цифр никто при ней не произносил. В какой-то момент один из партнёров, мужчина с тяжёлым взглядом и привычкой постукивать кольцом по столу, спросил у Стаха, можно ли ей доверять, и Стах ответил быстро, чуть слишком быстро, что да, конечно, она в этом деле никак не замешана и вообще не понимает, о чём речь.

Эта фраза — "не замешана", "не понимает" — застряла в Нике сильнее, чем что-либо другое в тот вечер. Не потому, что в ней была угроза, а потому, что она прозвучала как защита от чего-то, для чего ей самой не давали даже названия. Она спросила Стаха в машине, что это были за люди, и он ответил с раздражением, которого она прежде не слышала от него: "Чем меньше ты знаешь, тем лучше для всех" — фраза, которая в любом фильме прозвучала бы как явный сигнал тревоги, но в реальной жизни, произнесённая человеком, которого она любила, прозвучала почти как забота.

После этого вечера она стала замечать вещи, которые прежде пропускала мимо: телефонные звонки, на которые Стах отвечал, выходя в другую комнату; наличные деньги, которые появлялись у него внезапно и без объяснений; и тот самый синяк на запястье, который она объяснила матери нелепой историей про дверь машины, хотя на самом деле получила его, когда один из партнёров Стаха, тот самый, с кольцом, схватил её за руку слишком резко, заметив, что она слушает разговор внимательнее, чем ему хотелось бы.

Она не считала себя в опасности — по крайней мере, не в том смысле, в каком это слово употребляют в новостях. Ей казалось, что это временно, что Стах разберётся со своими делами, и всё вернётся к тому, как было раньше, к тем самым первым месяцам, когда его внимание было целиком обращено на неё, а не рассеяно между телефонными звонками и людьми с тяжёлыми взглядами. Эта надежда — обычная, человеческая, отчасти наивная — и удерживала её рядом с ним куда дольше, чем удержало бы трезвое рассуждение.

Марина чувствовала это нарастающее напряжение острее, чем сама могла бы объяснить. Она не знала ни о синяке, ни о вечере в офисе на третьем этаже, но материнский инстинкт улавливал то, что не складывалось в слова — изменившийся тон голоса дочери по телефону, удлинившиеся паузы перед ответами, привычку Ники теперь чаще оставаться у себя в комнате с закрытой дверью. По средам, на йоге, она делилась этим с Региной не как с человеком, спо-

собным что-то решить, а как с человеком, способным просто выслушать — потому что выговориться было единственным доступным ей способом справиться с тревогой, которую она сама не могла назвать конкретной угрозой, а значит, не могла и обсудить с мужем, чья профессия требовала конкретики там, где у неё были лишь смутные предчувствия.

Вербовщик, который к этому времени уже выстроил для себя полную картину круга семьи, отслеживал эти детали с холодной методичностью — не потому, что испытывал к Нике личный интерес или сочувствие, а потому, что понимал: трещина в отношениях, о которой не знает даже мать, может стать той самой точкой, где вмешательство будет выглядеть наиболее естественно. Ему не нужно было создавать проблему — проблема уже существовала, нарастала сама, и оставалось лишь дожидаться момента, когда она достигнет той остроты, при которой любая помощь будет принята с благодарностью, без единого вопроса о том, кто помог и почему.

Он не торопил события. Торопливость в его профессии чаще всего стоила провала всей многолетней работы — а здесь счёт шёл не на дни, а на тонкое чувство момента, которое отличает терпеливого профессионала от того, кто хочет получить результат раньше, чем для него созреют условия.

И всё же кое-что он начал готовить заранее — не потому, что точно знал, как именно развернутся события, а потому, что профессиональная привычка подразумевала: если момент представится, он должен быть готов им воспользоваться без промедления, прежде чем ситуация решится сама — без его участия и без той благодарности, ради которой всё затевалось.

Глава четвёртая. Сквер у моста

Сквер у моста был тем местом, через которое Ника и Стах обычно проходили, возвращаясь от его друзей домой — короткий путь, который срезал почти двадцать минут по сравнению с дорогой вдоль проспекта, и именно поэтому популярный среди тех, кто, как они, не любил тратить время на крюки. Вечером сквер пустел быстрее, чем хотелось бы любому здравомыслящему родителю: фонари стояли через большие промежутки, кустарник по краям дорожки давно не подстригали, а единственная скамейка у фонтана давно облюбована была не влюблёнными парами, а людьми, чьё присутствие не добавляло уюта месту.

Вербовщик выбрал этот сквер не случайно — он провёл здесь два вечера подряд, просто наблюдая за тем, в какое время здесь становится пусто и как меняется освещение, прежде чем составить план, который должен был выглядеть как угодно, но не как план.

Двое мужчин, которых он нашёл через посредника, не знающего истинной цели заказа, получили простую задачу: напасть на пару, идущую через сквер около девяти вечера, отобрать сумку и телефон, припугнуть, но не калечить. Вербовщик заплатил достаточно, чтобы они не задавали лишних вопросов, и достаточно мало, чтобы они не заподозрили, что дело куда серьёзнее обычного грабежа. Он рассчитал время своего появления с точностью, которая в его профессии ценилась выше любых других качеств — не на секунды, но на тот короткий промежуток, который отличает своевременное вмешательство от слишком позднего или слишком подозрительно раннего.

В девять часов одиннадцать минут Ника и Стах вошли в сквер, не подозревая ни о чём, продолжая разговор, начавшийся ещё на улице — обычный, бытовой разговор о том, успеют ли они на сериал, который оба смотрели последние недели. Вербовщик, сидевший на скамейке метрах в семидесяти от входа, с книгой, которую не читал, увидел, как из-за кустарника, именно там, где он и рассчитывал, появились двое.

Дальнейшее произошло быстрее, чем он рассчитывал, и это было первым отклонением от плана, которое заставило его подняться со скамейки раньше намеченного момента. Один из нападавших, более крупный, толкнул Стаха на землю резче, чем требовалось для простого ограбления — толчок, в котором было что-то личное, словно человек вымещал на случайной жертве собственную злость, накопленную за день. Второй схватил Нику за руку, и она закричала — не театрально, не так, как кричат в фильмах, а тем коротким, сорванным звуком, который вырывается у человека, по-настоящему испугавшегося впервые в жизни.

Вербовщик побежал. Не потому, что это было частью изначального плана в таком виде — план предполагал его появление чуть позже, более спокойное, более контролируемое, — а потому что сцена перед ним вышла из границ, которые он установил, и человек его профессии умел распознавать момент, когда нужно действовать быстрее, чем думать.

Первого нападавшего, того, что держал Нику, он встретил ударом, который не был ни красивым, ни кинематографичным — обычный, грубый удар плечом, сбивающий равновесие, за которым последовал рывок руки в сторону, освобождающий девушку из захвата. Второй, тот, что был крупнее, повернулся к новому противнику с реакцией человека, привыкшего скорее запугивать, чем драться по-настоящему, и эта секунда промедления стала разницей между контролируемой ситуацией и хаосом.

Удар, который вербовщик получил в бок — кулаком, а не ножом, как промелькнуло у него в первую секунду паники, которую он сам себе не позволил показать, — был настоящим, не отрепетированным, и в этом была главная ирония всей сцены: даже подготовив нападение от начала до конца, он не мог до конца контролировать его исход, потому что нанятые им люди оставались живыми людьми со своей собственной непредсказуемостью, а не марионетками на нитях.

Стах, поднявшись с земли, попытался помочь, но один точный удар отбросил его обратно — не сильный, скорее демонстративный, как будто нападавший хотел показать, что в этой драке участвует не он, а кто-то другой, более серьёзный. Вербовщик использовал эту секунду, чтобы перехватить руку второго нападавшего и завернуть её за спину — приём, отработанный годами, который выглядел в темноте сквера как чистая случайная удача, а не результат подготовки.

Через несколько секунд оба нападавших, получив условный сигнал, который вербовщик заранее оговорил с посредником на случай, если ситуация начнёт выходить из-под контроля раньше времени, бросились бежать — оставив сумку Ники на земле, не тронутую, что само по себе должно было показаться странным любому, кто впоследствии стал бы анализировать ограбление с холодной головой, но в момент пережитого ужаса никто не обращал внимания на такие детали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.